

ЧЕЛОВЕК В СОВРЕМЕННОМ СОЦИУМЕ
HUMAN IN MODERN SOCIETY

**Самоопределение и самовосприятие людей
старшего возраста:
результаты фокус-групповых дискуссий**

*К.М. МАНУИЛЬСКАЯ**

* **МАНУИЛЬСКАЯ Ксения Максимовна** – кандидат социологических наук, научный сотрудник, Лаборатория методологии федеративных исследований, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС). Адрес: Пречистенская наб., 11, стр. 2, офис 404. E-mail: ksenia_22@mail.ru

В статье использованы результаты фокус-групповых дискуссий, цель которых – изучить и актуализировать жизненную позицию представителей старшего поколения относительно будущего – своего и России в целом. Анализируются особенности самовосприятия и самоопределения в старшем возрасте, которые рассматриваются как стержневой элемент идентичности. Особый акцент сделан на семантических особенностях языка в дискурсе о старшем возрасте, свойственных как самим представителям данной группы, так и всему обществу. Автор констатирует, что для современного российского общества характерна стигматизация старшего поколения, надделение его “ущербными” с точки зрения общественных и социальных ценностей характеристиками.

Ключевые слова: старший возраст, самоопределение, самовосприятие, пенсия, пенсионный возраст, старшее поколение, фокус-группа.

DOI: 10.31857/S086904990012329-3

Цитирование: Мануильская К.М. (2020) Самоопределение и самовосприятие людей старшего возраста: результаты фокус-групповых дискуссий // Общественные науки и современность. № 5. С. 155–164. DOI: 10.31857/S086904990012329-3

Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС

Автор выражает благодарность М. Мануильскому за подробное обсуждение теоретических аспектов статьи и консультации по проблематике идентичности.

Self-determination and self-perception of older people: results of focus group discussions

Kseniya M. MANUILSKAYA*

***Ksenia M. Manuilskaya** – Candidate of Sociological Sciences, Researcher, Laboratory for social research methodology, Academy of National Economy and Public Administration (RANERA). Address: 11, office 404, Prechistenskaya nab., 119019, Moscow, Russia Federation. E-mail: ksenia_22@mail.ru

Abstract. The article has based on the results of focus group discussions, the purpose of which is to study and update the life position of representation of the older generation regarding their future and the future of Russia as a whole. The author analyzes the features of self-perception and self-determination at an older age, which are considered as the core element of identity. Particular emphasis is placed on the semantic features of the language in the discourse on older age, characteristic of both the representatives of this group and society as a whole. The author state the stigmatization of the older generation, endowing it with “defective” characteristics from the point of view of social and social values, is characteristic of modern Russian society.

Keywords: aging, older age, self-determination, self-perception, pension, retirement age, focus group.

DOI: 10.31857/S086904990012329-3

Citation: Manuilskaya K. (2020) Self-determination and self-perception of older age: results of focus-group discussions. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 5, pp. 155–164. DOI: 10.31857/S086904990012329-3 (In Russ.)

О стариках, как о мертвых, – либо приторно елеино,
либо ничего.

Из книги социолога Д. Рогозина “Столько не живут:
миниатюры о Столетних”
[Рогозин 2017].

Дискуссии о благополучной старости, активном долголетии, комфортной жизни после выхода на пенсию занимают прочные позиции как в общественно-политическом, так и в научном дискурсе. Сегодня при поддержке государства реализуется комплекс программ и мер, направленных на представителей старшего возраста. Зачастую все это базируется на представлениях чиновников, руководителей социальных служб и иных специалистов о комфортной жизни в пожилом возрасте на их собственных представлениях. Между тем понятийный аппарат и базирующиеся на нем практические подходы в этой области социально-демографической политики пока не могут похвастаться эвристической значимостью. Попробуем восполнить этот пробел.

В поисках себя

Осенью 2018 г. Лаборатория методологии социальных исследований РАНХиГС совместно с фондом поддержки пенсионеров и незащищенных слоев населения “Достойная жизнь” провели серию фокус-групповых дискуссий в трех регионах России. Цель исследования – изучить и актуализировать жизненную позицию представителей старшего поколения относительно своего будущего и будущего России в целом.

Вначале предстояло разобраться, как оценивают собственную ситуацию пожилые люди. Имеются серьезные основания рассматривать самовосприятие как стержневой элемент личностной идентичности. Сегодня это одна из востребованных тем, прежде

всего в массовом сознании. В теоретическом плане понятие идентичности тесно коррелирует с Я-концепцией [Бернс 1986]. Конструкт, как известно, включает следующие компоненты: реальное Я (представление о своих реальных способностях, возможностях, статусе), идеальное Я (представление человека о том, каким он хотел бы быть), зеркальное Я (представление о том, каким его видят другие люди). Применительно к людям старшего возраста перечисленные конструкты дисбалансированы, прежде всего в силу различного жизненного опыта, а также типа личности. Но если в реальной жизни Я-концепция во многом тяготеет к сфере воображения, то самовосприятие и идентичность непосредственно реализуются в поведенческих механизмах, то есть в принципе могут быть измерены с помощью каких-либо показателей.

Здесь есть свои трудности. Прежде чем перейти к самовосприятию, отмечу, что феномен идентичности – сложное явление, содержание которого обусловлено не только дисциплинарным контекстом. В самом общем виде речь идет о свойстве психики человека в концентрированном виде выражать его представление о своей принадлежности к различным социальным, экономическим, национальным, возрастным и другим группам. Подчеркну, коль скоро речь идет о человеческом/социальном феномене, его следует рассматривать как многомерную конструкцию, организованную по иерархическому принципу, ядро/вершину которой составляют характеристики, относящиеся к человеческой природе, а другие черты – к конкретизирующим идентичность атрибутам, в которых “снимаются” конкретные слагаемые человеческой природы.

Итак, идентичность как социально-антропологический феномен имеет ряд составляющих. К ним относятся: родовая, гендерная (мужская/женская), национальная (этническая), конфессиональная, поколенческая, семейно-родственная, гражданская, профессиональная (трудовая) и экзистенциально-рекреационная идентичности [Мануильский 2018]. Предложенная трактовка обеспечивает целостный взгляд на личность, методологически открывает возможность абсорбировать какое угодно множество факторов, попавших в поле зрения исследователя. К тому же предлагаемая трактовка максимально полно охватывает жизненный мир человека, прежде всего пожилого: от представлений о смысле жизни (“Кто мы?”, “Откуда мы?”, “Куда мы?”) до проблем поддержания здоровья (экзистенциально-рекреационные аспекты повседневности), что для людей пожилого возраста имеет первостепенное значение.

Компоненты самоопределения: программные вопросы

Опрос не ограничивался вопросами: “Что для вас комфортная жизнь в старшем возрасте?”, “Что такое комфортная старость?”. В гайде для фокус-групповых дискуссий присутствовало несколько групп параметров, которые позволили комплексно реконструировать ожидания целевой аудитории. Во-первых, это были фактологические вопросы о семье, возрасте, распорядке дня и образе жизни. Во-вторых, задавались вопросы, направленные на оценку восприятия старшего возраста участниками исследования. В-третьих, ряд вопросов имел оценочный характер и касались удовлетворенности нынешней жизнью и ее перспективами (см. табл.). Отмечу, что из всех обозначенных аспектов феномен удовлетворенности наиболее изучен. Исследования на эту тему встречаются у психологов [Пряжников 2017], социальных психологов [Нестерова, Жучкова 2018] и социологов [Зеликова 2016; Халина 2012; Воронин, Захаров, Козырева 2018]. Однако было решено, что изучению удовлетворенности жизнью должна предшествовать концептуализация старшего возраста, в том числе и самими представителями изучаемой целевой группы.

Программные задачи и исследовательский инструментарий

Программный вопрос (задача)	Вопрос в гайде	Ожидаемый результат	Как вопрос задавался модератором
Изучить и типологизировать образ жизни современных российских пенсионеров и людей предпенсионного возраста (далее ЦА)	Расскажите, пожалуйста, о себе. Сколько вам лет? Какая у вас семья: супруг, дети, внуки. Работаете ли вы? Как проходит ваш обычный день? Будний и рабочий	Выявить основные конструкты повседневности представителей ЦА Определить типичный образ жизни Выявить значимые составляющие комфортной жизни	Каждый из вас расскажите о себе: сколько вам лет, какая у вас семья, может быть, дети, внуки, работаете, не работаете Как проходит ваш обычный день, обычный будний или выходной день. Можете вы описать ваш <i>типичный</i> день?
Изучить восприятие старшего возраста представителями ЦА	Считаете ли вы себя пожилым человеком? Представителем старшего поколения? Если нет, то кто вы?	Изучить мотивы самоопределения Составить образ представителя старшего возраста глазами ЦА Изучить отношение ЦА к старшему возрасту	Считаете ли вы себя пожилым человеком, представителем старшего поколения или, может быть, вы по-другому себя осознаете?
Определить основные составляющие, компоненты благополучного российского общества будущего исходя из представлений ЦА	Что бы вы сказали о жизни людей старшего возраста в вашем городе? Каковы уровень вашего дохода, возможности для комфортной жизни, возможности для развития? (и о вашей жизни)	Изучить ожидания ЦА о комфортной жизни Определить соотношение ожиданий с конкретными возможностями	Что бы вы сказали о жизни людей вашего возраста в вашем городе? Может ли человек, такой как вы, жить с комфортом? Есть у вас возможности для развития, чтобы был хороший уровень дохода?

В данной статье будет подробно проанализирован второй блок, а именно – особенности самоопределения и самовосприятия старшим поколением.

Кто такой пенсионер?

Прежде чем анализировать самовосприятие людей старшего возраста, следует отметить, что как в обычной речи, так и в профессиональном языке для такого анализа существует огромное количество терминов. Если говорить о старшем поколении, то можно встретить такие образные определения, как серебряный возраст; возраст дожития; возраст счастья; пожилой возраст; старший возраст; зрелый возраст и пр. Одни термины носят явно негативную окраску, другие, наоборот, как бы оправдывают, украшают старший возраст. По замечанию филолога С. Файн, в языке, “как в капле воды, отражается состояние нашего общества и его культурные основы. Отсутствие названия для старшего

поколения в языковых нормах говорит о том, что ему нет места в самом обществе” [Файн 2016]. К сожалению, во многом это так и есть. Приведенный постулат подтверждается данными нашего исследования.

Поиск нового подходящего термина для старшего возраста объясняется прежде всего тем, что на постсоветском пространстве произошла и продолжает происходить существенная смена ценностей, в том числе относительно возможностей и статуса людей, выходящих на пенсию. Если в советский период пенсия рассматривалась как “заслуженный отдых”, то сейчас такое вряд ли возможно: размеры пенсионных выплат “вращаются” вокруг прожиточного минимума и говорят сами за себя. Между тем патерналистские настроения по-прежнему сильны в массовом сознании. И хотя незаметно и тихо произошла подмена понятий, восприятие и ожидания остались те же. Если раньше “пенсионер” – это заслуженный человек, который может безбедно жить за счет социальной системы государства, то сейчас представители старшего поколения превратились в “социально незащищенные слои населения”. Попытка найти новое название для людей старшего возраста – это способ хотя бы на словах сделать не столь экзистенциально уязвимой принадлежность к данной возрастной и социальной группе.

Если оставить в стороне материальную составляющую вопроса, то наличие нескольких словесных определений для одной и той же социальной группы, которые по-разному используются в разных ситуациях, – довольно распространенная практика. Для примера обратимся к немецкому языку, в котором можно найти по крайней мере три определения людей старшего возраста: *Rentner* – собственно пенсионер (от *die Rente* – пенсия). Если переводить дословно, то *Rentner* – человек, который получает пенсию, то есть это термин, связанный исключительно с финансовой составляющей. В обыденной речи, в том числе и официальной, используется другой, общепризнанный термин *Senioren*. Последний можно встретить в музеях, общественном транспорте – для обозначения категории людей, которые имеют право на льготный билет. Также он используется для обращения в обыденной жизни. Даже при простой транслитерации на русский язык этот термин звучит гораздо уважительнее, чем “пенсионер”. Этим же корнем в немецком языке обладают такие слова, как *Seniorenbetreuung* – уход за пожилыми людьми, *Seniorenrezidenz* – места для проживания пожилых людей, то, что у нас бы назвали домами престарелых. Третья группа – слова, обладающие корнем *emerit* (*emeritiert* – заслуженный), и производные от него. Например, в научно-академической среде при достижении определенного возраста человек приобретает этот статус: формально он оказывается на “заслуженной” пенсии, получает пенсию “по возрасту”, но остается обладателем профессиональных регалий и возможностью научно-профессиональной деятельности. Каждый из этих терминов официален и легитимирован.

Две базовые стратегии самовосприятия

Фокус-группы проводились среди представителей двух возрастных групп: лиц предпенсионного (от 50 лет) и пенсионного возраста (до 70 лет). Проведенный анализ позволяет выделить две стратегии самовосприятия старшего возраста участниками исследования. Обозначим их как “Я-стратегия” и “Они-стратегия”. Первая характерна для лиц, уже достигших пенсионного возраста, вторая – для тех, кто еще не преодолели этот рубеж. В рамках обеих стратегий можно выделить несколько схожих тенденций (см. рис. 1).

Наличие двух стратегий в восприятии старшего возраста тесно перекликается с известной дихотомией, предложенной Д. Винсентом, которая определяет две ключевые позиции людей старшего возраста, – либерализацию от старения и либерализацию старения [Vinsent 2003, с. 168]. Первая больше характерна для представителей предпенсионного, вторая – пенсионного возраста. Однако переход от одной стратегии к другой происходит далеко не всегда. Принятие “Я-стратегии” не означает автоматического перехода к “либерализации старения”. Это вполне объяснимо. Как отмечает Д. Рогозин, “в основе либерализации от старения лежит страх пожилого возраста, маркированный

в современных обществах западного типа как период последовательных лишений и утрат” [Рогозин 2016, с. 9]. Поэтому для многих, вне зависимости от возраста, доминирующим в самоопределении остается концепт “либерализации от старения”.

	“Я”		“ОНИ”
Пенсионный	<p>Они лучше работают с современной техникой, с электроникой. Больше у них преимуществ нет. А если вернуться в Советский Союз, то я в свои 69 30-летним давал бы фору... (муж., 69)</p> <p>Они (молодежь) смотрят на нас, как на динозавров.</p>		
	<p>Пока родители живы, они для меня старшее поколение (жен., 53)</p> <p>Для внуков мы старшее поколение (муж., 56)</p> <p>Мудрые люди, чувствуют ответственность уже (жен., 54)</p> <p>Тот, кто уже не может работать Я бабушку свою считаю. Ей 90 лет (муж., 56)</p> <p>Из Советского Союза старшее поколение (жен., 54)</p> <p>Кто дома сидит и ограничен в социуме (жен., 54)</p>	Предпенсионный	
<p>НЕТ. В душе-то всегда чувствуешь себя молодым (жен., 69)</p> <p>Сил меньше и быстрее выдыхаешься где-то на физической работе (муж., 66)</p> <p>Я должен показывать пример (муж., 62)</p> <p>Я в бассейн хожу, бегаю (муж., 64)</p> <p>Если в зеркало не смотреть, то молодая (жен., 67)</p> <p>Нет, старыми бабками себя не считаем (жен., 67)</p>			
	<p>Мы не сдаемся (жен., 53)</p> <p>Выйду на пенсию, тогда буду считать себя старшим (муж., 56)</p> <p>Здоровье позволяет работать (жен., 57)</p> <p>Мы еще молодые (жен., 57)</p>		

Рис. 1. Стратегии самовосприятия старшего возраста.

Анализировать ответы без исследования словесной формулировки вопроса – занятие довольно бессмысленное. Заслуживает внимания, в частности, что при формулировке и произнесении вопроса модератор использовал такие конструкты, как “пожилой человек”, “представитель старшего возраста” (см. табл.). Это достаточно корректные формулировки, активно используемые в обыденном дискурсе. Однако и они несут некое давление, негативный характер, что легко прослеживается в ответах (см. рис. 1). Обозначу в связи с этим основные тенденции в самооценках. Во-первых, налицо противопоставление молодого и старшего возраста. В большинстве случаев представители старшего поколения не воспринимается как целостная, отдельная, независимая группа людей. Восприятие и самовосприятие происходит через сравнение с другими, более молодыми. Это вполне объяснимо, учитывая господствующий в современном обществе культ молодости, важнейшую социокультурную доминанту современности. Интересно, что тенденция сравнения характерна именно для этого возраста: “Мы еще молодые”; “Они (молодежь) смотрят на нас, как на динозавров”. В то же время молодежь, дети или люди среднего возраста обычно не характеризуют себя через соотнесение с другими возрастными группами.

Во-вторых, в ответах зафиксирована тенденция отрицания и неприятия. В речи многих респондентов прослеживается нежелание быть представителем старшего возраста, в некоторых случаях даже боязнь и неприятие подобной перспективы. По словам И. Шмерлиной, “речь не идет о преодолении культа молодости... Основные усилия общества направлены на то, чтобы встроить старость в вечно молодой поток жизни, начиная от сомнительных попыток эстетической реабилитации пожилых дам на страницах модных журналов и заканчивая поисками лекарств от старости” [Шмерлина 2014, с. 72].

Тенденция отрицания возраста подтверждается данными опросов, проведенных ранее нашей лабораторией. Так, в исследовании, посвященном изучению проблем россиян старшего возраста в 2013 г., большинство опрошенных (64%) отметили, что чувствуют

себя моложе своего возраста¹. Удивительно, что самовосприятие моложе своих лет никак не коррелирует с физическим самочувствием, а обусловлено совсем иными причинами [Шмерлина 2016]. С возрастом эта тенденция (ощущать себя моложе своих лет) снижается, однако остается доминирующей во всех возрастных группах: *“Нет, старыми бабками себя не считаем”*; *“Мы не сдаемся”*; *“Нет. В душе всегда себя чувствуешь молодым”*. Отмечу также, что лишь в немногих случаях указываются положительные стороны старшего возраста, такие как опыт, мудрость: *“Я должен показывать пример”*; *“Мудрые люди, чувствуют ответственность уже”*.

В большинстве ответов прослеживается связь старшего возраста с лишениями – ухудшением здоровья, снижением социальной активности, общения, потери работы. То есть для участников исследования быть представителем старшего возраста некомфортно, люди стараются максимально отодвинуть вхождение в эту возрастную группу: *“Кто дома сидит и ограничен в социуме”*; *“Выйду на пенсию – буду считать себя старшим”*. В тех случаях, когда участники фокус-групп все же признают себя представителями старшего поколения, они всячески стараются подчеркнуть, что обладают характеристиками, не свойственными этой возрастной группе: *“В бассейн хожу, бегаю”*; *“Здоровье позволяет работать”*.

Тенденцию отрицания, неприятия старшего возраста можно попытаться объяснить отсутствием одной значимой составляющей – *переосмысления себя*. При достижении определенного возрастного рубежа, смены социального статуса индивид оказывается в новом для него жизненном мире, пространстве повседневности. Для многих представителей старшего возраста *“основной проблемой становится не ухудшение здоровья, сокращение социальных связей или потеря близких людей, а способ осмысления этих перемен”* [Рогозин 2016, с. 11]. Чтобы принять и осознать перемены важно переосмыслить случившееся (прожитое). Как отмечает Н. Пряжников, *“От того, будет ли востребован или не востребован опыт, сможет ли пожилой человек утвердить себя в качестве полезного члена общества (семьи, конкретной социальной группы), переживаются различные оттенки чувства удовлетворения или неудовлетворения прожитой жизнью, чувства собственного достоинства, детерминирующие варианты личностного самоопределения в старости* [Пряжников 1999, с. 122]. Как показывают результаты фокус-групп, зачастую такого переосмысления либо не происходит, либо оно не приводит к принятию новой социальной роли.

Маркеры старшего возраста

В современной науке, особенно в гуманитарных дисциплинах, сложно найти понятие или термин, который бы относился и изучался лишь в одной дисциплине. Исследование феномена самовосприятия старшего возраста находится на стыке нескольких предметных областей. Ключевым в данном исследовании оказывается понятие возраста, которое уже давно не рассматривается как сугубо физиологический показатель. Привычны для слуха и восприятия такие определения, как *“психологический”*, *“биологический”*, *“социальный”* возраст. Естественно, что любой индивид, в том числе и участники фокус-групп, воспринимают себя многогранно. Анализируя их высказывания, удалось выявить пять составляющих маркеров, определяющих принадлежность к старшему возрасту (см. рис. 2).

Существуют и иные подходы к анализу основных составляющих старшего возраста. Так, Пряжников выделяет восемь специфических факторов, влияющих на мироощущение и самопринятие пожилого человека: чувство *“нужности”*, условия для выбора и реализации себя, состояние здоровья, отношение родных и близких, отношение общества (государства), культурные традиции общности, (само)оценка собственных деяний, готовность к творчеству [Пряжников 2017, с. 88]. Эта концепция апробирована Пряжниковом

¹ Телефонный опрос проведен Центром методологии федеративных исследований ИНСАП при РАНХиГС в апреле 2013 г. Выборка составила 1530 человек, граждан России старше 44 лет.

в психологических исследованиях удовлетворенности жизнью старших возрастных групп и акцентирует на внутренние качества личности, тогда как выявленные нами маркеры за основу берут социальные компоненты.

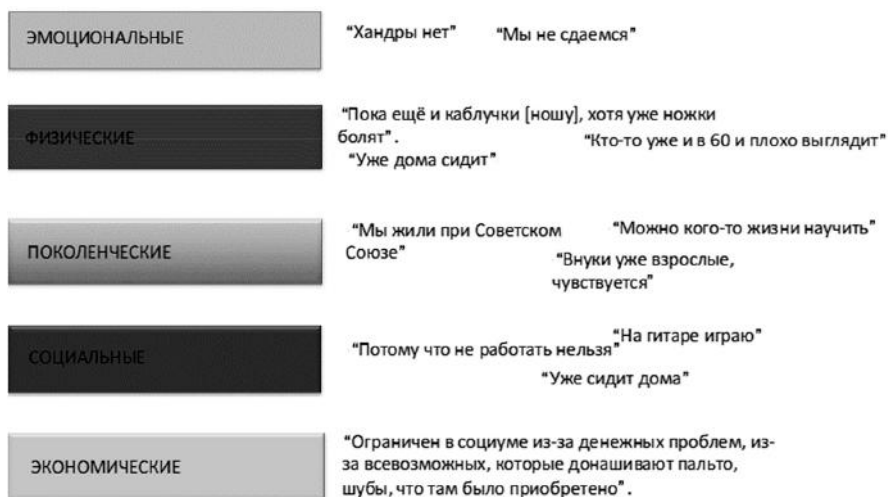

Рис. 2. Маркеры старшего возраста: теоретико-практический концепт.

Остановимся на каждом в отдельности. К *эмоциональным* маркерам были отнесены высказывания, характеризующие отношение к старшему возрасту на чувственно-эмоциональном уровне. Это спонтанные, чаще всего первые реакции на услышанный вопрос. Примеры, приведенные на рисунке 2, свидетельствуют, что на эмоциональном уровне старший возраст воспринимается через отрицание: "*хандры НЕТ*"; "*НЕ сдаемся*". То есть респонденты демонстрируют, что они либо не обладают эмоциональными характеристиками, присущими (по их мнению) представителям старшего возраста, либо борются с ними, сопротивляются им.

К *физическим* маркерам старшего возраста относятся высказывания, затрагивающие аспекты здоровья, внешности, физических способностей. Высказывания респондентов свидетельствуют, что представители (вернее, некий абстрактный представитель) старшего возраста, как правило, обладают не очень хорошим здоровьем, физической формой и плохо выглядят. Сами участники фокус-групп себя таковыми не считают или предпринимают какие-то меры, создавая видимость, будто эти характеристики к ним не относятся ("*каблочки еще ношу, хотя ножки уже болят*"). Таким образом, при анализе данной составляющей мы вновь сталкиваемся с неприятием и нежеланием признавать себя представителем старшего возраста (оговорюсь еще раз – *типичным представителем старшего возраста, образ которого сформировался в нашем обществе*).

Пожалуй, из всех выделенных маркеров старшего возраста *поколенческие* проявили себя как наиболее нейтральные в плане восприятия. Высказывания, содержащие информацию о принадлежности к старшему *поколению*, не имеют негативных эмоций, отрицания. Тот факт, что респонденты жили в эпоху Советского Союза, что у них есть внуки, что они обладают определенным жизненным опытом, воспринимается участниками фокус-группы спокойно, в ряде случаев даже положительно. На данном этапе анализа можно предположить, что термин *поколение* более удачный, нежели термин *возраст* — как с точки зрения общей дефиниции, так и самовосприятия. Эта гипотеза требует дальнейшей верификации, например через новые фокус-группы, где будет использована другая формулировка вопроса.

Основными *социальными* маркерами по результатам фокус-групповых дискуссий выступают *работа* и *пенсия*. Возможность продолжать работу воспринимается как способ отодвинуть вхождение в старшую возрастную группу, в старший возраст. Прекращение работы автоматически свидетельствует о потере многих значимых позиций и возможностей. Основной и значимый фактор – деятельность, социальная активность. Участники дискуссий были бы рады выйти на пенсию и вести активный образ жизни, однако это неминуемо влечет финансовые ограничения (подробнее об этом ниже). Если человек находит возможности активной деятельности, будучи на пенсии (посещение занятий и секций, общение), то факт выхода на пенсию и отсутствия работы воспринимается легче.

Тем не менее даже в глазах самих представителей старшего возраста, типичные пенсионеры – это люди малообеспеченные, нуждающиеся, испытывающие значительные материальные затруднения. Естественно, подобный дискурс ведется в контексте разговора о “других”. “Они” – такие, я таковым быть не хочу и прикладываю максимум усилий избежать подобной перспективы.

* * *

Представитель старшего возраста – клише, собирательный образ. Базовым критерием в определении принадлежности к данной группе выступает возраст. Его можно обозначить как константу, привязанную к другим составляющим характеристикам, – эмоциональным, физическим, поколенческим, социальным и экономическим слагаемым жизненного мира. Хотя эти характеристики могут проявляться по-разному, в большинстве случаев их наделяют негативной окраской. В результате установившихся в обществе стереотипов, поддерживаемых и транслируемых различными социальными группами, в том числе и представителями старшего поколения, образ человека старшего возраста носит негативный, нежелательный характер.

Приходится констатировать: для современного российского общества характерна стигматизация старшего поколения, наделение его “ущербными” с точки зрения общественных и социальных ценностей характеристиками. Этот дискурс порой транслируется и в научных работах, хотя и с подчеркиванием “неправильности” такого “традиционного” восприятия [Зеликова 2014, с. 14]. Поскольку стигматизация поддерживается всеми социальными группами, в том числе и самими представителями старшего поколения, важной социальной задачей должно стать изменение восприятия образа представителя старшего поколения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бернс Р. (1986) Развитие Я-концепции и воспитание. М.: Прогресс.
- Воронин Г., Захаров В., Козырева П. (2018) Одинокие пожилые в России // Социологический журнал. № 3. С. 32–55.
- Зеликова Ю. А. (2016) Субъективное благополучие пожилых людей (кросс-национальный анализ) // Социологические исследования. № 11. С. 60–69.
- Мануильский М.А. (2018) Архитектоника идентичности // Человек. №4. С. 10–23 (<http://ras.jes.su/chelovek/s023620070000313-1-1>) DOI: 10.31857/S023620070000313-1.
- Нестерова А. А., Жучкова С. М. (2018) Факторная структура удовлетворенности жизнью в пожилом и старческом возрасте: социально-психологический подход // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. № 1. С. 60–72.
- Пряжников Н.С. (1999) Личностное самоопределение в преклонном возрасте // Мир психологии. № 2. С.111–123.
- Пряжников Н.С. (2017) О факторах и моделях удовлетворенности жизнью в пожилом и старческом возрасте // Вестник московского университета. Серия 14. Психология. № 4. С. 85–101.
- Рогозин Д.М. (2016) Либерализация старения, или труд, знание и здоровье в старшем возрасте // Старикам тут место: социальное осмысление старения: (сборник научных статей). М.: Институт социологии РАН. С. 9–41.

- Рогозин Д.М. (2017) Столько не живут: миниатюры о Столетних. М.: (Б.и.).
- Файн С. (2016) Без обид! Как называть людей в возрасте? // Аргументы и Факты. 23.11 (https://aif.ru/health/psychologic/bez_obid_kak_nazyvat_lyudey_v_vozraste).
- Халина Н.В. (2012) Сходство образа Я и образа значимого другого как фактор, влияющий на удовлетворенность жизнью в пожилом возрасте // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). № 10(18) (<https://cyberleninka.ru/article/n/shodstvo-obraza-ya-i-obraza-znachimogo-drugogo-kak-faktor-vliyayushchiy-na-udovletvorennost-zhiznyu-v-pozhilom-vozhraсте>).
- Шмерлина И.А. (2016) Молодость forever, особенности возрастной самоидентификации в старшем возрасте // Старикам тут место: социальное осмысление старения (сборник научных статей). М.: Институт социологии РАН. С. 156–183.
- Шмерлина И.А. (2014) Особенности возрастной самоидентификации в старшем возрасте // Социологический журнал. №1. С. 72–86.
- Vinsent J. (2003) *Oldage*. New York: Routledge.

REFERENCES

- Burns R. (1986) *Razvitiye Ya-kotseptsii i vospitaniye* [Self-Concept Development and Education]. Moscow: Progress.
- Fine S. (2016) Bez obid! Kak nazyvat' lyudey v vozraste? [No offense! How to call people aged?]. *Argumenty i Fakti*. 23.11 (https://aif.ru/health/psychologic/bez_obid_kak_nazyvat_lyudey_v_vozraste).
- Khalina N.V. (2012) Skhodstvo obraza Ya i obraza znachimogo drugogo kak faktor vliyayushchiy na udovletvorennost zhiznyu v pozhilom vozraste [The similarity of the image of I and the image of a significant other as a factor affecting life satisfaction in old age]. *Sovremennyye issledovaniya sotsialnykh problem (elektronnyi nauchnyy zhurnal)*, no. 10 (18) (<https://cyberleninka.ru/article/n/shodstvo-obraza-ya-i-obraza-znachimogo-drugogo-kak-faktor-vliyayushchiy-na-udovletvorennost-zhiznyu-v-pozhilom-vozhraсте>).
- Manuil'skiy M. A. (2018) Arkhitektonika identichnosti [Architectonics of Identity]. *Chelovek*, no. 4, pp. 10–23 (<http://ras.jes.su/chelovek/s023620070000313-1-1>) DOI: 10.31857/S023620070000313-1.
- Nesterova A. A., Zhuchkova S.M. (2018) Faktornaya struktura udovletvorennosti zhiznyu v pozhilom i starcheskom vozraste: sotsialno-psikhologicheskii podkhod [The factor structure of life satisfaction in the elderly and senile: a socio-psychological approach]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Series: Psikhologicheskiye nauki*, no. 1, pp. 60–72.
- Pryazhnikov N.S. (1999) Lichnostnoye samoopredeleniye v preklonnom vozraste [Personal self-determination in old age]. *Mir psikhologii*, no. 2, pp. 111–123.
- Pryazhnikov N.S. (2017) O faktorakh i modelyakh udovletvorennosti zhiznyu v pozhilom i starcheskom vozraste [On the factors and models of life satisfaction in the elderly and senile]. *Vestnik moskovskogo universiteta. Series 14. Psikhologiya*, no. 4, pp. 85–101.
- Rogozin D. M. (2016) Liberalizatsiya stareniya. ili trud. znaniye i zdorovye v starshem vozraste [The liberalization of aging, or labor, knowledge and health at an older age]. *Starikam tut mesto: sotsialnoye osmysleniye stareniya: sbornik nauchnykh statey* [Old people have a place: social understanding of aging: collection of scientific articles]. Moscow: Institut sotsiologii RAN, pp. 9–41.
- Rogozin D. (2017) *Stolko ne zhivut: miniatyury o stoletnikh* [So many do not live: miniatures about Centennials]. Moscow: (Without publisher).
- Shmerlina I.A. (2016) Molodost forever. osobennosti vozrastnoy samoidentifikatsii v starshem vozraste [Forever youth, features of age-related self-identification at an older age]. *Starikam tut mesto: sotsialnoye osmysleniye stareniya: sbornik nauchnykh statey* [Old people have a place: social understanding of aging: collection of scientific articles]. Moscow: Institut sotsiologii RAN, pp. 156–183.
- Shmerlina I.A. (2014) Osobennosti vozrastnoy samoidentifikatsii v starshem vozraste [Features of age-related self-identification at an older age]. *Sotsiologicheskii zhurnal*, no. 1, pp. 72–86.
- Vinsent J. (2003) *Oldage*. New York: Routledge.
- Voronin G., Zakharov V., Kozyreva P. (2018) Odinokiye pozhilyye v Rossii [Lonely elderly in Russia]. *Sotsiologicheskii zhurnal*, no. 3, pp. 32–55.
- Zelikova Yu. A. (2016) Subyektivnoye blagopoluchiyе pozhilykh lyudey (kross-natsionalnyy analiz) [Subjective well-being of older people (cross-national analysis)]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya*, no. 11. pp. 60–69.